

Алферова Ирина Викторовна

ЖЕНЩИНЫ-ГЕРОИНИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА СТРАНИЦАХ ПЕЧАТИ)

Статья посвящена анализу формирования героического образа женщины на страницах российской прессы во время Первой мировой войны. На материалах различных периодических изданий (военных, женских, массовых и пр.) выявляются различные типы героического поведения женщин, прослеживается трансформация понимания "героического" в зависимости от социально-политических условий его реализации: политического режима; успеха/неуспеха военных действий на фронте; непосредственно в боевой обстановке и в тылу. Отчасти раскрываются механизмы работы военной пропаганды в печати, направленной на формирование героического образа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/1/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1 (63). С. 16-23. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

УДК 94(100)“1914-1918”:316.75

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу формирования героического образа женщины на страницах российской прессы во время Первой мировой войны. На материалах различных периодических изданий (военных, женских, массовых и пр.) выявляются различные типы героического поведения женщин, прослеживается трансформация понимания «героического» в зависимости от социально-политических условий его реализации: политического режима; успеха/неуспеха военных действий на фронте; непосредственно в боевой обстановке и в тылу. Отчасти раскрываются механизмы работы военной пропаганды в печати, направленной на формирование героического образа.

Ключевые слова и фразы: Первая мировая война; образ героини; периодическая печать; культурная память; патриотический подъем; пропаганда.

Алферова Ирина Викторовна, д.и.н., доцент

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
alferovairi@yandex.ru

ЖЕНЩИНЫ-ГЕРОИНИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА СТРАНИЦАХ ПЕЧАТИ) ©

Статья написана при поддержке гранта РГНФ 15-01-00399.

Период войны, насыщенный различными экстремальными ситуациями, является временем наиболее интенсивной реализации героического поведения социума. При этом неизменное архетипическое ядро образа героя/героини в зависимости от исторического и культурного своеобразия военных действий дополняется актуальным содержанием, адаптируясь к современной эпохе.

Первая мировая война, глобально изменившая вектор человеческой истории, привела к пересмотру системы ценностей эпохи модерн. Можно предположить, что параметры отбора определенных лиц и событий, которые становились «героическими» и со временем превращались в неотъемлемую составляющую культурной памяти, также претерпевали некоторые изменения, что должно было с необходимостью привести к возникновению новых образов героев, определявших своеобразие существования культур как в мирное время, так и в конфликтных ситуациях в дальнейшем, на протяжении XX века.

На волне усилившегося исследовательского интереса к периоду Первой мировой войны, что связано как со столетним юбилеем, так и с переоценкой ее значения для новейшей российской истории, стали появляться многочисленные публикации, посвященные в том числе героям/героиням войны. Сам по себе процесс возвращения забытых имен и их увековечения является отрядным, поскольку он восстанавливает историческую справедливость, делает возможным отдать долг памяти предкам, деяния которых были преданы забвению. С эвристической точки зрения изучение механизмов генерирования образов героев и их возможных трансформаций во времени является необходимым условием в понимании культурного наследия для конструкции/реконструкции коллективной памяти социума, идентичности, национального самосознания и идеологии.

Учитывая, что война – это, прежде всего, мужская практика, существующие исследования по большей части обращали и обращают внимание на нормативы и стереотипы мужского, в том числе героического, поведения в экстремальных ситуациях. Гораздо в меньшей степени изучена «героическая фемининность», образы героинь Первой мировой войны, хотя в этой войне значительно увеличилось участие женщин-медиков: 25 тыс. сестер милосердия, врачей, фельдшерниц (в русско-японской войне – около 3 тыс.) [30, с. 348]. Более того, по некоторым данным непосредственно на полях сражений русского фронта находились около 2 тыс. (по другим – около 5 тыс.) женщин [1, с. 358].

Со всей очевидностью в свете глобальности военного конфликта, в котором в общей сложности со стороны Российской империи участвовало более 15 млн мужчин, приведенные цифры женщин-участниц не позволяют констатировать тенденцию «феминизации» армии. Тем не менее эти данные одновременно не позволяют обходить стороной факт расширения участия женского населения в этих трагических событиях, предполагают новое осмысление, интерпретацию важнейших составляющих данного явления.

Статья посвящена только одному аспекту обозначенной проблемы, а именно некоторому анализу героического образа женщины на страницах российской прессы, который, сохраняя связь с традиционными представлениями, также трансформировался в соответствии с изменившимся социально-политическим контекстом. Периодическая печать как источник для рассмотрения проблемы выбрана не случайно: при пестроте и разнообразии российской жизни, громадности расстояний ей принадлежала особая коммуникативная роль. Периодическая часть являлась основным каналом информационного обмена в формировании общественного мнения, в вовлечении российского населения в политическую жизнь [6, с. 3].

Широко известен факт, что начало войны вызвало необычайный патриотический подъем, во всяком случае среди городского населения России. Женская часть общества, в основном образованная, горячо высказала желание «быть деятельным участником борьбы, которая ведется там, на поле брани» [51, с. 1].

В периодической печати заметки о героических устремлениях женщин стали появляться буквально с первых дней военных действий. Вниманию общественности, прежде всего, предлагались патриотические деяния достаточно популярных публичных фигур. Так, в середине августа 1914 г., согласно материалам газеты «Южная копейка», из действующей армии телеграфировали: «На прошлой неделе на наши передовые позиции, с разрешения военного начальства, прибыла известная женщина-спортсмен Кудашова, недавно закончившая трехлетнее путешествие по Европе и Азиатской России и совершившая верховой пробег через Сибирь. Кудашова прибыла на позиции на своем любимом коне» [34].

А. Д. Кудашева, вдова войскового старшины Оренбургского казачьего войска, действительно была известна своим 12000-верстным пробегом верхом из Харбина в Санкт-Петербург в 1910-1911 гг. В одном из многочисленных интервью, которые она раздавала в ходе пробега, на вопрос о цели путешествия она заявляла: «Хочу показать русскому народу и иностранцам выносливость русской женщины-казачки, способность и готовность ее в тяжелую годину встать на защиту родины в ряды вместе с казаками. Вот главная и единственная цель моего путешествия» [38]. В Петербурге она была принята царской семьей. А. Д. Кудашева подарила царевичу Алексею своего коня Монголика, а в обмен получила бриллиантовую брошь и задание испытать жеребца, принадлежавшего наследнику, на котором она совершила свой второй поход по маршруту Владивосток – Петербург в 1913 году.

Появились в печати и сведения о княгине Е. М. Шаховской, снискавшей популярность как одна из первых женщин-летчиц, которая сбежала из дома, пытаясь попасть на фронт в качестве военного летчика. Командование отказало ей в участии в военных действиях под предлогом того, что «неприятель не признал бы женщину законной представительницей воюющей стороны и, если бы она попала в плен, ее бы расстреляли как шпионку» [Там же]. Тогда Шаховская отправилась на фронт сестрой милосердия, а позднее, после обращения в ноябре 1914 г. лично к Николаю II, оказалась в 1-м Ковенском крепостном армейском отряде в чине прапорщика. (О боевых вылетах княгини Е. М. Шаховской неизвестно. Уже в конце декабря 1914 года она была отчислена из Ковенского авиаотряда. Позже возникло обвинение (как тогда считали, сфабрикованное) в шпионаже в пользу Германии. Шаховскую арестовали и приговорили к смертной казни. Однако Николай II заменил её пожизненным заключением в одном из монастырей.)

Другая известная женщина-авиатор Е. П. Самсонова, отчаявшись попасть на передовые позиции в качестве военного летчика, сначала отправилась на фронт сестрой милосердия, но позже записалась добровольцем в мотоциклетную роту и стала исполнять обязанности военного шофера [48, с. 5].

Газета «Сибирская жизнь» сообщала, что известная певица Н. В. Плевецкая оказалась на передовой в качестве разведчика [Там же, с. 36]. На самом деле необычайно популярная исполнительница, чье имя называли в одном ряду с Ф. И. Шаляпиным и которая выступала в Царском Селе перед семьей императора, выезжала на фронт с концертами. После того, как ее муж ушел на войну, она стала сиделкой в военном госпитале под Ковно [4].

Конечно, масштаб проявления женского патриотизма не ограничивался знаковыми именами. Судя по сообщениям прессы, женское население буквально «рвалось в бой». Становился популярным образ кавалерист-девицы, в том числе и тиражируемый печатью. Поскольку женщинам всё еще было запрещено находиться в действующей армии, добровольцы опять брали мужские имена и фамилии, надевали мужскую одежду. Так, «Виленский курьер» в номере от 21 сентября 1914 г. рассказывал о послушнице одного из Казанских монастырей, крестьянке Анне Хрисанфовой, которая в полной походной форме, с остриженной головой, направлялась с одним из воинских эшелонов на театр военных действий [41]. По-видимому, одной из первых на фронте оказалась Анна Красильникова, 21 года, записанная добровольцем под именем Анатолия Красильникова, которая участвовала в 19 сражениях, а за мужество, проявленное во время боя в ноябре 1914 г., была удостоена ордена св. Георгия 4-й степени [33, с. 11].

Позднее стали известны доброволец автомобильного отряда «Иван Колесниченко» (Дарья Колесниченко), «Охотник Чернопяттов» (Валентина Георгиевна Чернопяттова), вольноопределяющийся «Олимпий Лебедев» (Олимпиада Ивановна Лебедева), награжденный Георгиевской медалью 2-й степени за удачную разведку, «доставку важных неприятельских документов и взятие в плен австрийца» [25]. Жены военнослужащих, призванных из запаса, обращались с ходатайством зачислить их в действующую армию нижними чинами [28].

На войну, согласно сообщениям прессы, бежали совсем юные девушки. Например, Ольга Сергеевна Шидловская, дочь члена Государственной думы, поступила с разрешения Верховного главнокомандующего добровольцем в 4-й Мариупольский гусарский полк (тот же полк, где служила А. Дурова) и несла службу ординарца и переводчика [23]. В газетах сообщалось о двенадцатилетней одесской гимназистке Коваленко, убежавшей от родителей на войну. В Томск вернулась раненая 15-летняя Родионова, побывавшая на фронте под видом мальчика и получившая георгиевский крест за разведку. На галицинском фронте отметилась в качестве авиатора 17-летняя дочь киевского домовладельца, которая после ранения вернулась домой [18, с. 136-137].

«Женщины теперь так часто встречаются в действующей армии в качестве добровольцев, что о них начинают создавать анекдоты» [17, с. 93], – сообщал апрельский 1915 г. выпуск «Женского вестника», поместив один из них на своих страницах. Речь шла о некоем добровольце-разведчике Василии Г., неутомимом и бесстрашном, который принимал участие в самых рискованных мероприятиях и был награжден за храбрость георгиевским крестом. Однако, оказавшись на ночлеге в амбаре, Василий Г. впал в истерику из-за крыс, тем самым раскрыв себя.

Редакция «Огонька», резюмируя имеющиеся многочисленные случаи появления женщин в действующей армии, замечала, прогнозируя последующие события: «Несомненно и то, что если бы доступ женщин в ряды армии в качестве бойца, в качестве солдата не был обставлен в большинстве случаев почти непреодолимыми трудностями, на кровавых полях войны появились бы целые женские легионы» [52].

В периодической печати мелькали заметки о женщинах тыла, которые, внезапно оказавшись в чрезвычайной ситуации военных реалий, проявляли вполне героическое поведение, как это случилось, например, с представленной к награде телефонисткой Ткачевой, молоденькой девушкой, которая 16 октября 1914 г. во время бомбардировки Новороссийска не поддавалась панике, а продолжала оставаться на своем рабочем месте [15, с. 268].

Проявление «героического» со стороны женского населения тем более стало возможным при непосредственном контакте с врагом. Журнал «Почтово-телеграфное Эхо» сообщал о выдающейся деятельности почтово-телеграфного чиновника 4 разряда Либавской телефонной сети г-же Потупчиковой, которая при занятии немцами Либавы оставалась на своем посту до тех пор, пока немцы не вступили в город [55, с. 16]. Жена же начальника Сосновицкого отделения жандармского полицейского управления железных дорог С. М. Иванова была арестована немцами в Цоппоте 18 июля 1914 г. (еще до объявления войны) и даже под страхом быть расстрелянной отказалась дать неприятелю интересующие его сведения [36].

Масштаб индивидуального героизма не удовлетворял некоторую часть женского населения. Так, госпожа С. П. Юрьева, слушательница Бестужевских курсов в Петербурге, со страниц «Женского вестника» обратилась с предложением организовать летучий отряд амазонок, так как, по ее мнению, «в настоящей мировой войне женщины должны наравне с мужчинами принять активное участие» [11, с. 23]. Причем не только в санитарной службе, но и в разведке, а для «быстроты службы» нести ее верхом на лошадях. «Я тоже горю желанием быть полезной дорогой родине, – сообщала Юрьева, но я не чувствую призвания быть сестрой милосердия – я хочу идти добровольцем в действующую армию и прошу богатых людей откликнуться на мой призыв и дать мне необходимых средств на исполнение моей заветной мечты – образования отряда амазонок, воинов-женщин» [Там же].

Создается впечатление, что командование русской армии в начальный период войны не знало, как реагировать на так многогранно и радикально проявляющуюся самоотверженность женщин. В одном из октябрьских номеров газеты «Армейский вестник», издаваемой при штабе главнокомандующего Юго-Западным фронтом, был размещен рассказ «Подвиг или безумие», где вымышленная группа офицеров остановившегося на ночлег эскадрона одного из гусарских полков рассуждала о возможности женского пола находиться на линии боевых действий. Поводом для размышлений стала женщина, которая под видом вольноопределяющегося Долгова была зачислена в эскадрон и которая была определена первоначально «психологическим недоразумением», воплотившим в себе «неизвестную сторону многогранного духовного естества женщины, особый род подвига... или безумие» [40]. Героическая гибель вольноопределяющегося Долгова в конце рассказа заставляла отказаться от распространившегося в военных кругах взгляда на подобное поведение женщин, который сводился к недоумению, иронии, в крайних выражениях – к неприятию.

Все же традиционный образ сестры милосердия, которая несла истекающим кровью бойцам «милосердие, ласку, любовь», был более приемлем и по-прежнему оставался распространенным символом женского патриотического подвига. В свою очередь, для мечтавших попасть на передовую вступление в ряды медсестер было единственной легальной возможностью осуществить это. «Мне хотелось забытья, хотелось подвигов, героических поступков» [Цит. по: 42], – вспоминала спустя много лет в своих заметках дочь Л. Н. Толстого, А. Л. Толстая, которой действительно удалось побывать на нескольких фронтах Первой мировой войны.

Периодические издания и в этом случае широко освещали деяния на поприще медицинской службы представительниц знати и богемных кругов. «Женский вестник» сообщал в октябрьском 1914 г. номере о формировании отряда общества «частных сестер милосердия» с «исключительным составом», питательными пунктами при котором заведовали графини Мусин-Пушкина и Шереметева, старшими сестрами милосердия состояли графиня Шувалова, фон Кауфман, графини Мегден, Дубасова, Ферзен и др. [21, с. 23].

Конечно, немалый общественный резонанс должны были вызвать и вызывали сообщения о непосредственной помощи фронту членов императорской фамилии. Пресса активно публиковала материалы о патриотической деятельности царицы Александры Федоровны, которая с начала войны стала организовывать склады для оказания помощи фронту и лазареты, а затем вместе со старшими дочерьми Ольгой и Татьяной прошла специальный курс работы сестрой милосердия [32, с. 242-287]. Периодические издания размещали на своих страницах портреты известных дам, надевших форму с красным крестом. Среди них были дочь английского посла М. Бьюкенена, актрисы балета А. Бакашова и Л. Бараш, графиня Ф. В. Беннигсен, дочь главы правительства Горемыкина А. И. Овчинникова и др. [Там же, с. 261].

Образ медсестры окутывался «дымкой патриотической романтики». Неслучайно именно медицинская служба стала действительно массовой формой реализации патриотических устремлений для женщин. При зачислении в медицинскую службу предпочтение отдавалось женщинам, имевшим медицинское образование. Многие слушательницы женского медицинского института в Петрограде и в Москве записались в качестве сестер милосердия и фельдшерниц в отряды Красного Креста уже в первые дни войны [13, с. 199]. Для остальных были открыты курсы для подготовки медсестер и сиделок. «Сибирский вестник» в одном из своих материалов указывал, что из-за наплыва желающих пришлось вводить определенные ограничения: «Сначала принимали на курсы со свидетельством об образовании не ниже четырех классов гимназии. Затем ввели новое ограничение: принимать только со свидетельством об окончании полного курса гимназии» [28].

До начала Первой мировой войны сестрам милосердия запрещалось работать в полевых госпиталях. Можно предположить, что масштаб развернувшихся военных батальи и непредусмотренное изначально количество раненых заставили пересмотреть это правило. Уже в августе 1914 г. в печати стали появляться сообщения о великой княгине Ольге Александровне, сестре царя, которая отправилась в действующую армию с госпиталем общины святой Евгении [50, с. 9]. «Женский вестник» в одном из осенних номеров 1914 г. отмечал, что женщины «массами записываются сестрами милосердия, стремясь работать на передовых позициях» [14, с. 235].

Необходимо отметить, что уже в 1915 г. стали появляться карикатуры на не всегда уместную фривольность в одежде и в поведении сестер милосердия [50, с. 9], но подавляющее большинство публикаций пропагандировало, безусловно, положительный, зачастую – героический образ «белоснежных лилей, разбросанных на багровой ленте войны» [52].

В тыловой жизни России «героическое» проявлялось не только в работе в лазаретах и госпиталях. «Ни один сбор в пользу семей запасных, раненых и здоровых воинов не обходится без деятельного участия женщин, – сообщал журнал “Женский вестник”. – Патриотические концерты артистки Императорских театров Долиной собрали не один десяток тысяч рублей в пользу различных учреждений для оказания помощи жертвам войны. Женщины шьют, вяжут для воинов различные необходимые вещи» [14, с. 235]. Благотворительная кампания охватила женское население всех социальных групп и по всей стране.

В Петрограде еврейские женщины образовали дамский комитет с целью собирать посылки в действующую армию. В районах Бессарабии и Подольской губернии по селам и деревням собирали деньги и вещи на нужды армии. В далеком Якутске был создан комитет Красного Креста, который занимался шитьем рубашек для раненых и т.д. Депутация гомельских женщин возбудила ходатайство об организации женского легиона для несения тыловой службы [55, с. 15]. В одной из провинциальных газет приводился пример служения Отечеству учениц гимназии, которые жертвовали в пользу детей семейств запасных по куску сахара, поставив для этой цели в гимназии корзину. «В течение нескольких дней корзина оказалась переполненной сахаром, который поступил в детские сады» [12], посещаемые детьми запасных, сообщалось в газете.

Своеобразную форму выражения преданности родине выбрали женщины, бывшие замужем за германскими и австрийскими подданными. Они, будучи подданными государств, с которыми Россия вела войну, должны были быть высланы из Петрограда, Прибалтийского края и других территорий. Однако были случаи, когда некоторые из них отказывались выехать на место жительства мужей и подавали на развод. «Для того чтобы сохранить за собой право любить Россию, служить ей и считать ее своим отечеством, женщинам русской крови пришлось прибегнуть к измышлениям и уловкам, – сообщалось в “Женском вестнике”. – В органе Святейшего Синода “Церковных ведомостях” появилась масса заявлений о расторжении брака по неизвестному отсутствию супруга» [24, с. 1]. В Ялте татарки, вышедшие замуж за турецко-подданных, считая себя верно-подданными России, обратились с ходатайством об отмене распоряжения о высылке их в Турцию [19, с. 158].

Автор статьи в «Сибирской жизни», пораженный происходившим, эмоционально вопрошал: «Вообще с русской дамой благодаря войне происходит что-то необыкновенное... Что же все это значит? Уж не репетиция ли это перед большим участием в общественной работе? Уж не экзамен ли это на звание сознательных и деятельных горожанок?» [9].

В данной статье не ставится цель разобраться в действительной мотивации различных групп женского населения России, организовывавших помощь фронту, непосредственно участвовавших в боевых действиях. Очевидно, что она была многоаспектной и заслуживает специального изучения. Тем не менее необходимо заметить, что определенная часть женщин, прежде всего участниц феминистского движения (как российского, так и западного в целом), действительно рассчитывала на признание их заслуг перед Отечеством, следствием чего в перспективе должно было стать расширение их гражданских, в том числе избирательных, прав. Такого мнения придерживалась, например, А. Шабанова, лидер Взаимно-благотворительного общества, а также руководительница Лиги равноправия женщин Шишкина-Явейн [54]. В первом номере феминистского журнала «Женщина и война» его редактор А. К. Яковлева призывала женщин использовать войну как «благоприятный момент борьбы за свое раскрепощение» и надеялась, что удастся укрепиться «на занятых нами за время войны позициях с тем, чтобы эти позиции остались с нами и по окончании войны» [24, с. 1].

Материалы же большинства периодических изданий свидетельствуют, что на первом этапе войны и подавляющее большинство представительниц женских движений, и российские женщины, находившиеся вне каких-либо формальных и неформальных организаций, «оставив всякие феминистские, профессиональные, специально женские вопросы», были охвачены искренним чувством патриотизма, «все объединились в общем стремлении отразить ненавистного тевтона» [46, с. 1].

Тем не менее военные реалии вносили свои коррективы: война из молниеносно-победоносной стала превращаться в затяжную, позиционно-окопную, выдающуюся по количеству жертв как на полях сражений, так и среди мирного населения. В это же время на фронте оказывались всё новые волны мобилизованных, среди которых были не только запасники, но и ополченцы и даже белобилетники, т.е. мужчины, освобожденные от военной службы в мирное время [5, с. 20]. Перед командованием русской армии в полный рост встала задача патриотического воспитания вновь прибывающего пополнения, в том числе и при помощи формирования «героических символов», которые должны были реализовывать «героическое» уже в контексте окопной войны, в оккупации, в плену и пр.

Задача регулирования морально-психологического состояния общества становилась актуальной и для тыла, где также отмечалось понижение градуса патриотической эйфории. Не случайно в одном из приказов, опубликованных в «Армейском вестнике», наказной атаман войска Донского сетовал по поводу матерей «среди нашей интеллигенции», которые «употребляют все свои усилия, чтобы любимого сынка не посылать на позиции». «Чувство матери заглушает у них чувство долга», – сетовал атаман, ставя в пример старуху-мать, которая над громом умершего от ран сына обещала: «Видите, одного отдала; есть у меня еще два, с радостью и их отдам» [8].

Уже в августе 1914 г. штабам армий было приказано «сбирать для опубликования материалы описания подвигов отдельных лиц с возложением этого дела на Военно-цензурное отделение штабов армий» [45, д. 2959 (1), л. 1].

Затем начальники штабов армий озадачились созданием специальной военной печати «с целью ознакомления воинских чинов армий с событиями на обширном театре военных действий... которая бы приняла на себя задачу будить чувство бодрости, веры в себя, любовь к родине, необходимость вести борьбу с настойчивостью и бесконечным упорством по примеру наших дедов» [Там же].

Причем взятие Перемышля и надежда на дальнейшее удачное развитие боевых действий в марте 1915 г. определяли задачей специального военного издания не просто «поддержание в войсках бодрого настроения», но и «предоставления им возможности иметь на передовых позициях газету с правдивым описанием военных действий и целей настоящей войны» [44, д. 911, л. 11]. Последующее «великое отступление», которое сопровождалось потерей русской армией боевого духа и массовыми сдачами в плен, потребовало уточнения концепции военного издания. Редактор газеты «Наш вестник», выходящей при штабе главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, подполковник П. фон Ланге в сентябре 1915 г. в одном из своих докладов генерал-квартирмейстеру обозначил проблему следующим образом: «Воинское воспитание вновь призванных, не знакомых с военными традициями, лучше всего может базироваться на примерах особой доблести и выдающихся подвигов храбрости и мужества, имевших место за минувшее время нашей боевой страды» [Там же, л. 41]. Далее он предлагал «затребовать сведения о наиболее выдающемся подвиге: от каждой части о превосходнейшем случае проявления героизма нижним чином, а от каждой дивизии о самом блестящем проявлении героизма офицером, по возможности с приложением фотографической карточки отличившегося» [Там же, л. 41 об.].

Иными словами, характер Первой мировой войны, вовлечение в ее орбиту различных социальных групп, а также неудачный ход военных действий потребовали от российских властных структур кардинально нового уровня работы пропагандистского аппарата, который и на этом этапе должен был «создать систему смыслов для каждого мобилизованного солдата, которые бы объясняли, зачем ему лично нужно жертвовать собой на фронте» [39, с. 308].

По-видимому, это относилось и к женщинам, находившимся непосредственно на фронте, прежде всего к сестрам милосердия. На страницах периодической печати стали появляться сообщения о женщинах-врачах, фельдшерицах, сестрах милосердия, которые действительно зачастую под огнем противника героически выполняли свои обязанности, за что неоднократно отмечались командованием. Так, врач Ладыженская была награждена золотой медалью на Анненской ленте, сестры милосердия Вреден и Кубасова – Георгиевскими медалями 4-й степени [17, с. 94]. Жена помощника варшавского генерал-губернатора Людмила Ивановна Любимова была награждена Георгиевскими медалями 3-й и 4-й степеней за самоотверженную работу по оказанию помощи раненым в окопах во время боев под пулеметным и артиллерийским огнем [37]. В 1915 г. появился первый летучий перевязочный отряд Союза городов, во главе которого находилась женщина-врач М. О. Г. (так в тексте – И. А.) с двумя сестрами милосердия, которые «под грохот снарядов продолжали работать в нескольких верстах от поля боя» [20, с. 172].

Одним из героических символов этого периода стала сестра милосердия Римма Михайловна Иванова, которая ухаживала за ранеными в 100-м пехотном Оренбургском полку. Во время боя 9-го сентября 1915 г., когда 10 рота осталась без командира, она собрала вокруг себя солдат и бросилась с ними на окоп неприятеля, который был взят. Получившая ранение сестра милосердия скончалась. Героический подвиг Риммы, чье имя первоначально по ошибке записали «Мирра», стал широко известен: о нем сообщали многие периодические издания. (В ноябре 1915 года по заказу военного ведомства был снят фильм «Героический подвиг сестры милосердия Риммы Михайловны Ивановой».) Думается, не случайно (и вполне заслуженно) она первой из сестер милосердия была награждена офицерским орденом св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени [10].

С неудачами на фронте со страниц изданий стала исчезать атмосфера предчувствия скорой и легкой победы, а вместе с ней сонм «героинь», для которых участие в боевых действиях представлялось увлекательной, романтической прогулкой. «Героическое» трансформировалось, приобретало иные формы, что находило отражение и в женских персонажах. В условиях позиционной войны «геройским» можно было считать уже саму возможность выживания в условиях окопной повседневности. Вероятно, поэтому в «Женском вестнике» появился пространственный очерк о крестьянке Галине, которая в одном из местечек Юго-Западного фронта, не боясь огня, снабжала по очереди водой русских и австрийских солдат, находившихся в окопах [17, с. 22].

Война, в которой военные действия по большей части ограничивались «слихим налетом на немецкий караул, чтобы раздобыть контрольного пленного» [44, д. 908, л. 6-7, 19-20, 54], могла, в свою очередь, обернуться пленением для воюющих женщин, что предполагало стоическое поведение в «логове врага». Это и продемонстрировала молодая крестьянская девушка, которую немцы захватили возле реки Шешуны. Несмотря на многочисленные издевательства и угрозы «отрезать уши и нос», она всё же отказалась выдать сведения о русских войсках. «Девушку освободил отряд разведчиков» [18, с. 136], – сообщалось в печати.

Женское население, оказавшееся на оккупированной территории, проявляло «героическое», выбирая смерть взамен бесчестия [49] или же убивая оккупанта, как это сделала в Белостоке полька Залесская, застрелив адъютанта генерала Макензана, который настойчиво за ней ухаживал [35]. Сестры милосердия могли погибнуть не только под огнем противника, но и умереть от непосильной нагрузки или заразившись во время ухода за больными, как это случилось с сестрой милосердия 7-го санитарно-эпидемического отряда Всероссийского Земского союза М. М. Лютиковой [27].

В целом же во второй половине 1915-го – 1916 г. упоминания о женщинах-героинях встречается на страницах как обычной, так и специальной феминистской печати весьма редко. Авторы подобных периодических изданий, не избежав общей усталости от войны, переключились на обсуждение проблем женского равноправия.

Некоторая актуализация женского героического поведения наметилась летом 1916 г., во время наступления русской армии. В «Армейском вестнике» от 31 июля был помещен приказ генерал-адъютанта А. А. Брусилова, в котором он ссылаясь на мать прапорщика К. Великотного, оплакивавшую павшего на поле боя сына, но не прекращавшую молиться за окончательную победу. «Эти простые, исполненные глубокого чувства и высокого сознания долга слова истинно русской женщины, старухи-матери убитого героя... да западут нам могучим призывом свято довести до вожденного конца выпавший ныне на долю высокий подвиг служения нашему обожаемому Державному вождю и родине» [47, с. 13]. А. А. Брусилов приказал прочесть этот приказ во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах.

Женщины-героини, появившиеся в это время на страницах газет и журналов, – не светские красавицы, не романтические курсистки, не искательницы приключений, на которых к тому же ладно сидит военная форма. Это – опытные бойцы, познавшие тяготы окопной жизни и боевых потерь, которые несли до конца свой долг служения Отечеству. Как, например, вольноопределяющаяся-артиллерист Ольга Петровна Габиш, которая прибыла в Петроград на побывку украшенная двумя георгиевскими крестами и двумя георгиевскими медалями. Георгиевские медали она получила еще сестрой милосердия, перевязывая раненых под обстрелом неприятеля, один из крестов – за обнаружение неприятельского наблюдательного пункта, который затем был обстрелян российской артиллерией. Повидав детей – дочь-институтку и сына-кадета, она снова отбыла на фронт [22].

Новый этап в реализации женских героических и патриотических устремлений начался после Февральской революции. В атмосфере революционного подъема и демократических преобразований, которые предполагали и решение вопроса о равноправии полов, представительницы российского женского движения посчитали необходимым «прийти на помощь родине в критическую минуту её существования, воскресить упавший дух воинов, идти на войну добровольцами, принять участие в продовольственном деле, протестах против бесправия и анархии» [26, с. 1].

Известно, что от лица женских организаций во Временное правительство был представлен проект, предполагавший введение для женщин 18-45 лет не только трудовой, но и воинской повинности, была создана специальная комиссия для рассмотрения этого проекта [29, с. 1-2].

В этот период во Временное правительство и в ставку Верховного главнокомандующего неоднократно поступали предложения о создании особых воинских формирований из женщин, в том числе от Союза Георгиевских кавалеров, социал-демократической группы «Единство», моряков-черноморцев и др. [2, с. 5]. Уже в конце мая была сформирована в Петрограде «1-я женская военная команда смерти» Марии Бочкарёвой, которая 22 июня отправилась на фронт. Почин М. Бочкарёвой был подхвачен. Женское военное движение развернулось по всей стране: в Москве, Киеве, Минске, Полтаве, Харькове, Симбирске, Вятке, Екатеринбурге, Баку, Ташкенте, Екатеринодаре и других городах стали создаваться женские батальоны.

Однако оценки в отношении этой инициативы, которые появились на страницах печати, были далеко не однозначными. Публикация дневника некоего солдата женского батальона Кировой на страницах газеты «Армия и флот Свободной России» (бывшего «Русского инвалида») в каком-то смысле проясняла позицию военного командования в отношении такого рода женских подразделений. Как оказалось, оно отнюдь не рассчитывало использовать женщин в виде ударной боевой силы. Создание женских батальонов должно было пристыдить «революционного солдата», укрепить его боевой дух и чувство патриотизма и не более. «Я так уверена, – рассуждала Кирова, – что женщины принесут большую пользу, что как только с войны придет первое известие о раненых и убитых девушках, или захваченных в плен бесчеловечными тевтонами... то все мужские сердца дрогнут, и никто не посмеет отказаться идти в бой, никто не откажется стоять за нас, слабых созданий» [31].

В приветствии «доблестных гражданок свободной России», появившемся чуть позже на страницах газеты «Армия и флот Свободной России», звучало открытое недоумение по поводу этой инициативы: «...не может быть, чтобы такая жертва невинной женской крови была нужна для России, в которой сейчас военнообязанных 15 млн мужчин. Каждая капля крови ляжет несмыслаемым позором на голову всякого русского воина» [43].

Неприятие непосредственного участия женщин в воинских формированиях выразили и некоторые женские издания, например «Журнал для хозяек». Автор издания Б. Снежин требовал немедленно расформировать батальоны, поскольку «ни одна женщина не должна более отныне исполнять роль не то убийцы, не то предмета, разжигающего звериные страсти и заставляющего полузверя делаться сверх-зверем» [53, с. 1].

Исключительно критический и ироничный настрой демонстрировала по поводу «батальонов смерти», организованных «буржуазными барынями», ставшая легальной социал-демократическая печать [3, с. 220].

Следует согласиться с исследователем В. М. Васильевым, утверждающим, что «военные женские команды так и остались всего лишь ярким суррогатом деградирующей армии 1917 года», широкая общественность не оценила искренний порыв женщин «послужить Отечеству и готовность умереть за него», и они не стали «героинями» новой России [7]. Более того, в дальнейшем, после прихода к власти большевиков, образы участниц женских батальонов стали нагружаться ярко выраженной отрицательной коннотацией.

Объем статьи не позволяет остановиться на всех аспектах появления женского героического в годы Первой мировой войны как фактического, так и сконструированного на страницах периодической печати. Тем не менее представленные материалы позволяют перейти к некоторым обобщениям. Определенная часть российских женщин, как и населения Российской империи в целом, в первые военные месяцы пережила патриотический подъем, что предопределило ее желание всесторонне оказывать поддержку фронту. Формы этой поддержки были многообразны, охватывали представительниц различных социальных групп и возрастов, что и отражалось на страницах печати, тиражирующей различные образы женщин-героинь. Можно отметить,

что наиболее распространенным образом женского героизма по-прежнему оставался образ сестры милосердия. В отношении же непосредственного участия женщин в военных действиях разные виды печатных издания не демонстрировали единодушия. Так, например, специальная женская печать восторженно приветствовала боевой опыт женщин, формирование особых женских боевых подразделений на исходе войны, военная печать проявляла в лучшем случае сдержанность в оценках. Ситуация менялась в критические для русской армии моменты: образ сражающейся женщины на линии огня или активно противостоящей врагу на оккупированной территории становился образцом для подражания. Изменившаяся политическая власть в стране, пытаясь остановить разложение в армии и стремясь мотивировать солдат для продолжения военных действий, пыталась реанимировать образ воюющих женщин и действительно использовать их на поле боя. Однако этот опыт был неудачен. Что же касается остальных участниц Первой мировой войны, их деяния вскоре были преданы забвению. Новая эпоха требовала новых героинь...

Список литературы

1. **Абрамс Л.** Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789-1918. М., 2011. 407 с.
2. **Алексинская Т.** Женщина в войне и революции. Пг., 1917. 15 с.
3. **Алферова И. В.** Женский вопрос в теории и практике большевизма. Брянск, 2011. 349 с.
4. **Антонов В.** Надежда Плевецкая – «курский соловей» советской разведки [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение. 2010. 19 февраля. URL: http://nvo.ng.ru/spforces/2010-02-19/12_plevitskaya.html (дата обращения: 25.09.2015).
5. **Асташов А. Б.** Русский фронт в 1914 – начале 1917 года. Военный опыт и современность. М., 2014. 738 с.
6. **Блохин В. Ф.** Становление и развитие губернской периодической печати в России (вторая треть XIX – начало XX в.): автореф. дисс. ... д.и.н. СПб., 2010. 33 с.
7. **Васильев М. В.** 1-й Петроградский женский батальон в событиях 1917 года [Электронный ресурс]. URL: http://histrf.ru/biblioteka/pamyatniki-geroyam-pervoy-mirovoy/100-let/1-i-pietrogradskii-zhienskii-batal-on-v-sobytiakh-1917-ghoda#_ednref5 (дата обращения: 13.12.2015).
8. **Великая мать** // Армейский вестник. 1915. 29 октября.
9. **Г. Г-ков.** О дамской работе // Сибирская жизнь. 1914. 5 марта.
10. **Геройский подвиг сестры милосердия Мирры Ивановой** // Огонек. 1915. 27 сентября (10 октября).
11. **Даурский А.** Современные Дуровы // Женское дело. 1914. 1 ноября.
12. **Добрый пример** // Приднепровский край. 1914. 22 (09) октября.
13. **Женский вестник.** 1914. № 9. Сентябрь.
14. **Женский вестник.** 1914. № 11. Ноябрь.
15. **Женский вестник.** 1914. № 12. Декабрь.
16. **Женский вестник.** 1915. № 1. Январь.
17. **Женский вестник.** 1915. № 4. Апрель.
18. **Женский вестник.** 1915. № 7-8. Июль-август.
19. **Женский вестник.** 1915. № 9. Сентябрь.
20. **Женский вестник.** 1915. № 10. Октябрь.
21. **Женское дело.** 1914. 15 октября.
22. **Женщина – георгиевский кавалер** // Армейский вестник. 1916. 30 августа.
23. **Женщина-доброволец** // Огонек. 1915. 13 (26) сентября.
24. **Женщина и война.** 1915. 1 марта.
25. **Женщина на войне** // Огонек. 1915. 27 сентября (10 октября).
26. **Женщины заговорили** // Женский вестник. 1917. № 5-6. Май-июнь.
27. **Жертва долга** // Армейский вестник. 1916. 15 марта.
28. **Жизнь провинции. Наша женщина и война** // Сибирская жизнь. 1914. 1 октября.
29. **Журнал для женщин.** 1917. № 13-14. Июль.
30. **Иванова Ю. Н.** Женщины в войнах отечества // Военно-историческая антропология: ежегодник 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 346-357.
31. **Из дневника солдата Кировой** // Армия и флот Свободной России. 1917. 9 августа.
32. **Колоницкий Б.** Трагическая эротика. Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. 658 с.
33. **Красильникова А. А.** // Женщина и война. 1915. 1 марта.
34. **Кудашова** // Южная копейка. 1914. 21 октября.
35. **Лучше смерть! Женщина и война** // Женский вестник. 1916. № 1.
36. **Новое время.** 1914. 23 августа (5 сентября).
37. **Огонек.** 1915. 27 сентября (10 октября).
38. **Отважная путешественница** // Казак. 1911. 1 февраля.
39. **Пахалюк К. А.** Структура образа героев в российском общественном дискурсе в годы Первой мировой войны // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы: сб. статей / под ред. Г. В. Кретиной, И. О. Дементьева, С. А. Якимова. Калининград, 2013. С. 305-314.
40. **Подвиг или безумие** // Армейский вестник. 1914. 5 октября.
41. **Послушница-воин** // Виленский курьер. Наша копейка. 1914. 21 сентября.
42. **Постернат А. В.** Очерки по истории общин сестер милосердия. М., 2001. 164 с.
43. **Приветствия женским батальонам** // Армия и флот Свободной России. 1917. 20 августа.
44. **Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).** Ф. 2048. Оп. 1.
45. **РГВИА.** Ф. 2067. Оп. 1.
46. **Русская варшавянка (подпись). Сестры** // Женское дело. 1914. 1 октября.
47. **Русские женщины. Хроники «Женского дела»** // Женское дело. 1916. Сентябрь.

48. Самсонова Е. П. // Женщина и война. 1915. 1 марта.
49. Себя или его // Женский вестник. 1916. № 1. С. 4-6.
50. Сестра государя – сестра милосердия // Иллюстрированное приложение к журналу «Новое время». 1914. 9 (22) августа.
51. Сестры. Русская варшавянка // Женское дело. 1914. 1 октября.
52. Славянская женщина на войне // Огонек. 1915. 7 (20) июня.
53. Снежин Б. О женских батальонах // Журнал для хозяек. 1917. № 14-15.
54. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860-1930. М., 2004. 616 с.
55. Хроники «Женского дела» // Женское дело. 1915. № 10.

HEROIC WOMEN IN SOCIOPOLITICAL CONTEXT OF THE FIRST WORLD WAR (IN THE PRESS)

Alferova Irina Viktorovna, Doctor in History, Associate Professor
Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky
alferovairi@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the formation of the heroic image of the woman in the Russian press during the First World War. By the materials of various periodicals (military, women's, popular and so on) the author identifies different types of the women's heroic behavior, and traces back the transformation of the understanding of "heroic" depending on the sociopolitical conditions of its realization: political regime; the success/failure of military activities at the front; directly in the combat environment and in the rearward. The mechanisms of war propaganda action in the press aimed at the formation of the heroic image are partly revealed.

Key words and phrases: World War I; image of heroine; periodical press; cultural memory; patriotic upsurge; propaganda.

УДК 7; 18:7.01

Искусствоведение

Область современного народно-инструментального искусства отличается большим количеством микстовых жанровых структур. Подобные образования преобладают в первую очередь в жанре концерта. В данной статье рассматривается Концерт-поэма Н. Хондо с позиций необычности жанрового содержания произведения, а именно выявления смешенной жанровой природы в этом сочинении. Особое значение в произведении молодого композитора Н. Хондо приобретают элементы поэчности в синтезе с родовыми жанровыми признаками концерта.

Ключевые слова и фразы: народно-инструментальное творчество; концерт для балалайки; концерт-поэма; жанровые микстовые структуры; Наталья Хондо.

Баушев Андрей Валерьевич

Тамбовский государственный музыкально-педагогический институт имени С. В. Рахманинова
bayshev14@mail.ru

СПЕЦИФИКА СИНТЕТИЧЕСКОГО ЖАНРОВОГО ТОЛКОВАНИЯ КОНЦЕРТА-ПОЭМЫ ДЛЯ БАЛАЛАЙКИ И РУССКОГО НАРОДНОГО ОРКЕСТРА НАТАЛЬИ ХОНДО®

Творчество композиторов XXI века в области народного инструментализма одним из ориентиров выбирает жанр концерта. Произведения этого жанра чрезвычайно актуальны практически во всех направлениях профессионального музыкального искусства. Не составляют исключение народные инструменты (особенно балалайка, домра и баян), только в настоящее время начинающие раскрывать свои колоссальные технические возможности и творческий потенциал. «Концерт на всех исторических стадиях сохраняет идею диалога свободно музицирующих виртуозов – проявление особой стихии чистой музыки, доступной только ей одной» [4, с. 189]. Именно жанр концерта явился той художественной формой, где и солист и автор могут продемонстрировать высокопрофессиональный уровень народного инструментария.

Огромное количество образцов этого жанра, накопленных за все время существования, демонстрирует не только количественный перевес этого жанра среди других в народно-инструментальной системе, но и показывает насколько может быть разнообразен концерт с точки зрения композиционно-драматургического решения, интонационно-тематической составляющей. Примечательно, что и сама жанровая форма концерта в условиях народного инструментализма имеет достаточное количество подвидов. Балалаечные концерты по сложившейся в середине XX в. исполнительской традиции подразделяют на два направления (фольклорное и академическое). Также, существует иной способ классификации, связанный со спецификой инструментальных